

Т.В. Кудрявцева

Призывы к миру и критика войны в римской поэзии эпохи гражданских войн*

Кудрявцева Татьяна Владимировна, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена; 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, д. 48; e-mail: tatyavavk@yandex.ru.

В статье анализируется критика войны и аргументация ряда римских поэтов эпохи гражданских войн (Лукреция, Вергилия, Тибулла, Проперция, Горация) в пользу мира и мирной жизни. Война, особенно война гражданская, отвратительна поэтам своей жестокостью; она связана с человеческой алчностью, жадной стяжательством. Свообразным бегством от войны выступает погружение в сельскую жизнь. В отличие от прежнего идеала: римлянин – одновременно воин и земледелец (*miles et rusticus*), мы видим противопоставление *militia vs rura*. Можно говорить и об определенном переосмыслении концепции «справедливой войны» (*bellum iustum*): право и справедливость теперь выступают как атрибуты именно мира в противоположность войне; надежда на мир связывается с надеждой на возвращение правопорядка и справедливости в гражданскую жизнь.

Ключевые слова: Древний Рим, римская поэзия, гражданские войны, мир, война, справедливость, «золотой век».

Peace plea and opposition to war in the Roman poetry of the Civil Wars epoch

Kudryavtseva, Tatyana Vladimirovna, Doctor of History, Professor, Herzen State Pedagogical University; 48, Nab. r. Moiki, St.-Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: tatyavavk@yandex.ru.

The paper explores the condemnation of war and the arguments in favor of peace and peaceful life made by a number of the Roman poets contemporary with the Civil Wars (Lucretius, Virgil, Tibullus, Propertius, Horace). War, especially civil war, is disgusting to poets for its cruelty; it is linked to human greed and acquisitiveness. The immersion in the rural life turns to be a kind of escape from war. In contrast to the former ideal: the Roman is both a warrior and a farmer (*miles et rusticus*), we see the opposition – *militia vs rura*. It is possible to speak about a certain reconsideration of the concept of *bellum iustum*: now the right and justice act as attributes of peace contrary to war; the hope for peace is linked with the hope of return of law and justice in civil life.

Keywords: Ancient Rome, Roman poetry, civil wars, peace, war, justice, Golden Age.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-00390) «Представления о праве и справедливости в практике предотвращения и завершения военных конфликтов: вызовы XXI века в свете мирового исторического опыта» в Российском государственном педагогическом университете им. А.И. Герцена

Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 15. 2015. С. 329-339.
© Т.В. Кудрявцева

Римская история – по большому счету, история бесконечных войн и завоеваний: *res gestae* полны преданий о славных римских ратниках и полководцах, военная доблесть – одна из важнейших составляющих римского национального мифа, а необходимые милитаристские качества – римского национально-го характера, именно военная служба (*militia*) приносит славу и почет (*laus*), а настоящий римлянин – воин (*miles*) по определению. И, тем не менее, в древнеримской литературе мы находим не просто размышления на тему войны и мира, но и поиск аргументов именно в пользу мира. Особенно это своеобразное интеллектуальное и художественно-поэтическое преодоление войны прослеживается в римской литературе эпохи поздней Республики и ранней Империи, будучи несомненным следствием переживания многолетних гражданских войн и усталости общества от порожденных ими бед. Гражданские войны бросали тень на устоявшееся представление о том, что все войны, которые вел римский народ, – войны справедливые (*bella iusta*), и привели к появлению определенных пацифистских настроений.

В нашей статье мы проанализируем некоторые примеры призывов к миру и критики войны из произведений римских поэтов «золотого века», современников гражданских войн конца республики, не ставя перед собою цели охватить *всех* авторов.

О каком-либо участии в гражданских и иных войнах Тита Лукреция Кара (ок. 98 – ок. 55 до н.э.) ничего не известно; но очевидно, что те события, на фоне которых протекала его жизнь, отразились и на творчестве, и на личности поэта-философа. Его отрочество и юность пали на годы первой гражданской войны и диктатуры Суллы с её проскрипциями; он был свидетелем и Митридатовых войн, и восстания Спартака, и должен был застать галльскую компанию Цезаря. «О природе вещей» (*De rerum natura*) начинается с обращения к Венере как символу мира, любви и процветания; поэт просит богиню сделать «так, чтоб жестокие распри и войны / И на земле, и в морях повсюду замолкли и стихли»; любовной лаской богиня должна отвлечь «всеоружного Марса» – «проси, достославная, мира для римлян» (*petens placidam Romanis, incluta, pacem*) (I, 29-40; перевод здесь и далее Ф.А. Петровского). Аргументы, которые предлагает читателю Лукреций, объясняя своё предпочтение мира, носят и личный, и общий характер.

Война – сетует поэт – отвлекает его от писания его труда, т.е. от занятий философией, а его друг Меммий не сможет по этой причине уклониться от выполнения общественного (очевидно, воинского) долга: *nam neque nos agere hoc patriai tempore iniquo / possumus aequo animo nec Memmi clara propago / talibus in rebus communi desse saluti* (I, 41-43).

В третьей книге философ живописует картину, показывающую всю отвратительность, бесчеловечность войны. Лукреций рассуждает о том, что «ни чувства, ни жизнь без тела для душ невозможны»; если распадается тело, то с душой происходит то же; и дальше он поясняет эту мысль натуралистическими подробностями: отсеченные и еще шевелящиеся конечности; люди, охваченные яростью и испуганием, рвущиеся в бой, не замечая, что у них уже нет руки или ноги, и прочие страсти. «Ум у людей всецело захвачен сраженьем, / И на резню и на бой они рвутся с остатками тела, / Часто не видя, что нет уже

левой руки» (III, 647-649); отделенная от тела голова продолжает еще какое-то время жить и гримасничать (III, 640-656). Даже с учетом привычки римлян к ратным делам и членовредительству, Лукрециево описание того, как ведут себя на поле битвы куски тела, внушает ужас и оторопь.

Поэт признает: люди воевали с древности: «древним оружием людей были руки, ногти и зубы, / Камни, а также лесных деревьев обломки и сучья, / Пламя затем и огонь» (V, 1283-85); впоследствии у них появляется оружие из меди и железа (V, 1286-1293), колесницы. День ото дня множились новые ужасы битвы» (*inque dies belli terroribus addidit augmen* – V, 1307) – люди приспособили к военному делу зверей: слонов, быков, львов, вепрей (V, 1302-1340). И опять жуткая картина кровавой мясорубки: «В ярости львицы неслись и кидались прыжками с разбегу / Всюду; стремились схватить попадавших встречных за горло / Или же, с тылу напад неожиданно, рвали на части...» (V, 1318-1320); «Мощным пронзали клыком своих же союзников вепри, В бешенстве кровью своей обагрив обломки оружия» (V, 1327-1328) и т.д.

Лукреций обращает внимание: в древние времена примитивные народы убивали за шкуры, чтобы согреться, теперь же – за золото и пурпур (V, 1423-1425). То, что люди не могут умерить жажду наживы, стремление к неоправданной роскоши, не ведают границ обладания (*quia non cognovit quae sit habendi finis* – V, 1432), – это и подняло из пучины великие волны войны (*et belli magnos commovit funditus aestus* – V, 1435).

Таким образом, ярко, со страстью живописуя ужасы войны, Лукреций задал соответствующий антимилитаристский тон в дискурсе о войне в римской поэзии. А высказанная им идея о связи войны и стяжания, жажды обладания богатствами рефреном пройдет через всю римскую литературу эпохи гражданских войн и ранней империи.

В отличие от Лукреция, Квинту Горацию Флакку (65-8 гг. до н.э.) довелось принять участие в гражданской войне. Весть об убийстве Цезаря застала его в Афинах, где он изучал философию; вскоре туда приехал Брут, и Гораций, как и многие другие молодые римляне, записался в армию сторонников республики. Он даже получил высокую должность военного трибуна (*Hor. Sat. I, 6, 47-49*) в своем юном возрасте (23 года), не отличаясь знатным происхождением (сын вольноотпущенника, сборщика налогов) и не имея воинских заслуг, – видимо, не столько из-за своих способностей, сколько из-за дефицита начальнических кадров¹. В составе армии цезареубийц будущий поэт сражался в битве при Филиппах и едва уцелел, бросив свой щит на поле битвы (*Hor. Od. II, 7, 9-12*). Спасаясь бегством, он возвращается в Италию. Имение отца, которого уже не было в живых, было конфисковано (*Hor. Epist. II, 2, 50-51*), и Гораций устраивается на мелкую должность квесторского писца в казначействе (*Suet. Hor., 1*). С ужасом он глядит на то, что происходит вокруг – в новых гражданских войнах продолжает литься римская кровь².

¹ В.Г. Борухович предположил, что данное назначение произошло из-за личной симпатии, которой проникся Марк Юний Брут к будущему поэту (*Борухович В.Г. Квинт Гораций Флакк: поэзия и время. Саратов, 1993. С. 208*).

² Этот период жизни Горация замечательно описывает М.Л. Гаспаров: *Гаспаров М.Л. Гораций, или золото середины // О поэтах. М., 1997. С. 160-161*.

Самое страстное антивоенное стихотворение Горация – несомненно, VII-й эпод. Куда вы мечетесь, преступные, схватившись за мечи, – восклицает поэт (Quo, quo scelesti ruitis? aut cur dexteris / aptantur enses conditi? – Epod., VII, 1-2). Здесь же сформулирован один из главных аргументов поэта против войны (Epod., VII, 7, 3-10). Рим прежде неоднократно побеждал вражеские полчища, теперь же, ослабев в результате междоусобиц, становится легкой добычей варвара: неужели мало пролито римской крови на суше и на море, чтобы Город погиб от парфянской руки (sed ut secundum vota Parthorum sua / urbs haec periret dextera?)! Тот же довод приводится в XVI-м эподе. Вначале автор горестно сетует: вот уже два римских поколения (начиная с Мария и Суллы) томятся гражданской войною (Epod., XVI, 1). Рим, который не смогли сгубить ни этруски, ни Ганнибал, ни германцы, ни галлы, ни Спартак, погубит нынешнее «нечестивое поколение» (inpia aetas), и, варвар, праздную победу, надругается над прахом Ромула (Epod., XVI, 3-14).

В нескольких стихах из первой книги «Од» поэт подчеркивает: позорна именно война гражданская, ибо стыдно убивать своих, – чужих, получается, можно, особенно если это экзотические варварские народы (Od., I, 35, 33-40)³: «Увы! Нам стыдно ран и убийств своих / Граждан! (cicatricum et sceleris pudet fratrumque)... О пусть/ Ты вновь мечи перековала б / Против арабов и скифов диких! (перевод Н.С. Гинцбурга). Этот пассаж перекликается с другой одой (Od., I, 2, 21-24): «Мало юных – грех то отцов – услышат / Весть, как деда их, заострив железо, / Друг на друга шли – лучше нес бы меч их / Гибель парфянам (quo graves Persae melius perirent) (перевод Н.С. Гинцбурга). Настоящую доблесть римский юноша проявляет в схватке с иноземным врагом («военным долгом призванный, юноша / Готов да будет к тяжким лишениям; / Да будет грозен он парфянам...» – Od., III, 2, 1-3, перевод А.П. Семенова-Тян-Шанского), тогда и «красна и сладка смерть за отечество» (dulce et decorum est pro patria mori – ibid., 13). Таким образом, внутренняя братоубийственная война – неправильная и несправедливая, внешняя – вполне оправданная.

Неоднократно в своих стихах Гораций восхваляет Августа-миротворца: он принес мир, успокоение, стабильность и процветание Риму после десятилетий гражданской распри (e.g. Od., I, 2, 41-52; III, 4, 37-48; III, 14; IV, 5, 17-18; IV, 15; Epist., II, 1, 253-256).

Еще одна Горациева тема: сладость мирного сельского досуга в противопоставлении и войне, и суетной городской жизни: блажен (beatus) тот, кто, не ведая забот (qui procul negotiis – Epod., II, 1), не пробуждаясь утром от сигналов воинских труб (neque excitatur classico miles truci – Epod. II, 5), вдали от политических страстей (forumque vitat et superba civium potentiorum limina – Epod., II, 7-8) пашет на своей скотине и ухаживает за своим виноградником и садом, собирает мед и т.п. Душевность этого описания несколько компрометирует, хотя не уничижает вовсе сюрприз, поджидающий читателя II-ого эпода в конце, когда оказывается, что эти проникновенные строки вложены в уста

³ См.: Bolton J.D.P. Horace's Earliest Ode? // ClQu. Vol. 17. 1967. P. 451-454. Болтон возражает против часто приводимой в литературе датировки данной оды 26-27 гг. и предлагает канун битвы при Акции; я согласна с его доводами (с. 452-53).

ростовщика Альфия. Другой вариант бегства от тягот и ужасов гражданской войны – острова блаженных, где царит «золотой век», – Гораций предлагает в XVI-м эпосе: «бежим! Пусть на гибельных нежатся ложах / Одни надежду с волей потерявшие» (Erod., XVI, 37-38, пер. А.П. Семенова-Тян-Шанского). Это, конечно, утопия, но весьма показательная для тогдашнего умонастроения римского общества⁴.

Противопоставление воина и селянина (*miles vs rusticus*, соответственно: *militia – rura*), а также его игровая разновидность «любовник против воина» (*amator vs miles*) – новое для римской литературы, появившееся именно в эпоху гражданских войн, в еще более яркой форме выражено в творчестве Альбия Тибуллы⁵ (ок. 54(50?)-ок. 19 гг. до н.э.). Тибулла, как и многих его современников, в том числе из поэтического цеха, не миновала горькая чаша бед в связи с гражданской войной. Видимо (сведения не очень ясные), его поместье было конфисковано во время масштабных конфискации, проводимых Октавианом в 41-40 гг. (Tib., I, 1, 19)⁶.

Несколько элегий поэта пронизаны антивоенным пафосом; даже с учетом нарочитой романтической погруженности поэта в его любовные переживания, отношения с Делией и т.п., невозможно этот пафос не почувствовать.

Первая элегия вся построена на антитезе *militia – rura*, причем к сельским утехам добавляется еще любовная улада, т.е. *rura + amor vs militia*. Пусть чужой сон разгоняет звук военной трубы (I, 1, 3); поэт не желает отправляться на войну (I, 1, 8); он отказывается следовать за Мессалой («это тебе воевать, Мессала, на суше и в море» – I, 1, 53); он предпочитает быть в плену у любимой («держит прекрасная дева меня, заковавши в оковы, / И как привратник служу я у жестоких дверей» – I, 1, 55-56, перевод А.В. Артюшкова). Нажитое войной богатство (*divitiae*) противопоставляется скромному уделу (*paupertas*) лирического героя, с которым поэт себя отождествляет (I, 1, 1-6); хвала и слава (*laus*) противопоставляются бездельности и бездействию (*inertia*) (I, 1, 53-58). Следует вывод: спокойная жизнь и старость в окружении близких предпочтительнее удела воина: «Прочь, трубы, знамена! / Ваши раненья и вред алчным несите мужам / Вместе с богатством!» (I, 1, 75-77; ср. I, 3, 47).

В другой элегии из первой книги поэт патетически восклицает: «Кто же тот первый, скажи, кто меч ужасающий создал (*quis fuit, horrendos primus qui protulit enses?*) / Как он был дик и жесток в гневе железном своем (I, 10, 1-2 перевод Л.Е. Остроумова). Впрочем, создатель первого оружия, может, и не ви-

⁴ Подробнее об этом эпосе и «островах блаженных» см.: Чернышов Ю.Г. Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в Древнем Риме. Ч. 1. До установления принципата. Новосибирск, 1994. С. 78-82.

⁵ См.: *Kenneth J.P. Roman Anti-Militarism // Classical Journal. Vol. 51. 1955. P. 21-22; Fisher J.M. The Structure of Tibullus First Elegy // Latomus. T. 29. 1970. P. 772; Bright D.F. Haec mihi fingebam: Tibullus in his World. Leiden, 1978. P. 36-37; Gaisser J.H. Amor, rura and militia in Three Elegies of Tibullus: 1.1, 1.5 and 1.10 // Latomus. T. 42. 1983. P. 58.*

⁶ Правда, как отмечает М. Альбрехт, если поэт и говорит о своей бедности, не следует понимать это дословно: здесь мы сталкиваемся с одним из аспектов элегической программы (Альбрехт М. История римской литературы / Пер. А. И. Любжина. М., 2004. Т. 2. С. 826).

новат – люди обратили во зло его изобретенье, которое спасало их от диких зверей, тогда, когда ими овладел соблазн золота (I, 10, 5-7); человеческая жадность – первопричина всех войн.

Осуждение войны достигается через противопоставление ей радостей мирной жизни. Поэт рисует идиллическую, пасторальную картину: настоящий герой – скромный крестьянин, проводящий жизнь в бесхитростных заботах в кругу семьи, доживший до старости. Тибулл также не устает повторять: пусть другой идет на войну, эта жизнь не для него: «другой пусть оружием бряцает./ С помощью Марса в бою вражьих сражает вождей» (I, 10, 29-30); «что за безумье — войной призывать к себе черную гибель!» (*quis furor est atram bellis accersere mortem?* – I, 10, 33, перевод Л.Е. Остроумова).

Пацифизм Тибулла вызван не только подражанием буколическим идеалам александрийских поэтов и Феокрита, но и собственным жизненным опытом⁷, переживанием всего того, что происходило с Римом в последние десятилетия. Война отвергается как *modus vivendi*: мирная сельская жизнь *по определению* предпочтительнее и моральнее, пусть она тяжелее и бесславнее. В результате, единое прежде целое оказалось расколото, воин (*miles*) «оторвался» от сельского труженика (*rusticus*). Участь селянина и/или любовника теперь привлекательнее удела ратника. Когда Тибулл говорит о себе: «я и вождь, и воин хороший» (*ego dux milesque bonus* – I, 1, 75) – речь идет теперь о войне любовного фронта; война, которую поэт готов приветствовать, – это война на любовном фронте (*Veneris bella* – II, 7, 17).

Более того, не сельский труд, а *inertia*, *nequitia* становятся альтернативой военному идеалу. Предпочтение лени, как и отказ от военной службы в пользу любовной, еще более заметны у Секста Проперция (ок. 50-45 – ок. 15 гг. до н.э.)⁸. К мрачнейшим юношеским переживаниям поэта относятся Перузинская война между Октавианом и родственниками Марка Антония, братом последнего Луцием и супругой, неистойвой Фульвией. Проперций потерял значительную часть своего богатства опять же при конфискациях, которые проводил Октавиан в пользу своих ветеранов; во время войны был убит его родственник⁹. Вероятно, этим объясняется отчаянное упование на мир, неоднократно им высказываемое: «Амур — бог мира, и мы, влюблённые, почитаем мир» (*Pacis Amor deus est, pacem veneramus amantes* – III, 5, 1).

Пусть солдат считают свои раны (*enumerat miles vulnera*), но не Проперций (II, 1, 44); поэт родился не для славы, не для битв – судьба предназначила его для иного ратоборства (*non ego sum laudi, non natus idoneus armis: / hanc me militiam fata subire volunt* – I, 6, 29-30). Свою славу он обретет не в бою, а в любви, в ней и умереть почетно (*laus in amore mori* – II, 1, 47). Поэт отказывается отдавать своих гипотетических сыновей на армейскую службу, а единственный лагерь, в котором он хочет нести службу, это лагерь его любимой (II, 7, 13-14). Написать, которую он просит сделать на своей могиле: «Тот, кто покойся здесь — ничтожная горсть пыли — некогда был слугою одного Аму-

⁷ См.: *Kenneth J.P. Roman Anti-Militarism*. 1955. P. 22.

⁸ См.: *Gassier J.H. Amor, rura and militia in Three Elegies of Tibullus*. P. 66.

⁹ *Альбрехт М. История римской литературы*. Т. 2. С. 842.

ра» (qui nunc iacet horrida pulvis, / unius hic quondam servus Amoris erat – II, 13b, 35-36, перевод А.И. Любжина).

Итак, жизненное кредо, ставшее актуальным, очевидно, не только для одного Проперция или Тибулла, а для многих представителей их поколения, свидетельствующее о глубокой усталости общества от войны: на место службы Отчеству (*militia patriae*) заступает служба Любви (*militia amoris*).

Несколько отступая от хронологического принципа, в завершении нашего обзора мы обратимся к творчеству Публия Вергилия Марона (70-19 гг. до н.э.). Независимо от того, пришлось ли Вергилию пострадать при октавиановской конфискации и раздаче наделов ветеранам непосредственно или это случилось только опосредованно¹⁰, его первое крупное произведение, десять эклог, или пастушеских стихотворений (написаны между 42 и 39 гг. или 35 г. до н.э.), дают живой образ бедствий того времени. Поэт, настрадавшийся, как и многие представители его поколения, от войны и истосковавшийся по миру, выразил соответствующие чаяния в своих известных рассуждениях о «золотом веке» (впервые появляются как раз в «Эклогах»). При этом движение к будущему миру и благоденствию, которое у Вергилия фактически сливается с «золотым веком», несколько парадоксально идет одновременно и через отрицание войны, и через войну, ибо наступление *aurea saecula* возможно благодаря победе Октавиана в новой гражданской распре¹¹.

В знаменитой четвертой эклоге¹² мы узнаем о том, что наступление «золотого века» связано с явлением нового поколения героев: «возникнут и новые войны, и на троянцев опять Ахилл будет послан великий» (*erunt etiam altera bella, atque iterum ad Troiam magnus mittetur Achilles* – *Buc. IV, 35-36*, перевод эклоги здесь и далее С.В. Шервинского). Здесь Вергилий придерживается иного взгляда, чем Гесиод: у древнегреческого поэта, автора первой пессимистической концепции развития человеческой истории по нисходящей, героический век – движение в сторону от золотого века. Главное же отличие между греческим и римским поэтом – то, что у Вергилия «золотой век» вообще возвращается. (Высказывалось, кстати мнение, что в этих строках о новой войне – намек на противостояние и назревающий конфликт между Октавианом и Антонием¹³). После победы новых героев в новых войнах, «мужем когда тебя сделает возраст окрепший» (*ubi iam firmata virum te fecerit aetas* – *ibid.*, 37), и наступит «золотой век»: «Море покинут гребцы, и плавучие сосны не будут / Мену товаров вести – все всюду земля обеспечит./ Почва не будет страдать от мотыг, от серпа – виноградник... [и т.д.]» (*ibid.*, 38-45). Мы не будем касаться дискуссии о младенце: был ли мальчик, о появлении которого возвещает поэт

¹⁰ Сведения об этих годах его жизни достаточно невнятные, и по выражению М. Альбрехта, «заслуживают осторожной недоверчивости» (*Альбрехт М. История римской литературы. Т. 2. С. 735*).

¹¹ См.: *Pavan M. s.v. "Aurea (Aetas, Gens; Aurea Saecula)" // Enciclopedia Virgiliana. Roma, 1985. Vol. I. P. 418; Perkell C. The Golden Age and Its Contradictions in the Poetry of Vergil // Vergilius. Vol. 48. 2002. P. 18, 30.*

¹² В наши задачи не входит подробный разбор данной эклоги или обзор посвященных ей многочисленных исследований.

¹³ *Ryberg I.S. Vergil's Golden Age // TAPhA. Vol. 89. 1958. P. 112-131.*

в этой эклоге (*nascenti puero* – *ibid.*, 8); что за мальчик и т.п.¹⁴ Еще в позапрошлом веке Т. Пейдж высказал идею, остроумно решающую проблему: Вергилий нарочно сделал этот момент неясным, двусмысленным, «и таковым он и должен оставаться»¹⁵.

По мере возмужалости мальчика (*puer*) из эклоги будет положен конец войне, что вполне перекликается с миссией Августа, о которой Вергилий поведал в своем последнем произведении – «Энеиде»: «Вот он, тот муж, о котором тебе возвещали так часто: / Август Цезарь, отцом божественным вскормленный, снова / Век вернет золотой на Латинские пашни...» (*Hic vir, hic est, tibi quem promitti saepius audis, Augustus Caesar, Divi genus, aurea condet saecula...* – VI, 791-793, перевод С.А. Ошерова). Только в первом случае – не муж, а мальчик, так как в момент написания эклоги (40 г. до н.э.) об окончании войны и прочном мире можно было только мечтать, и грядущее поэтому смутно и с элементами фантастики: не только самоплодоносящая земля¹⁶ (после Гесиода это уже банально), но, например, овцы, которые будут по желанию перекрашивать руно то в пурпур, то в шафран (*Buc. IV, 43-45*). В «Энеиде» же в пророчество Анхиза – это уже состоявшееся прошлое с уже наступившим миром, поэтому двусмысленный загадочный младенец и обращается во вполне конкретного мужа. При этом его славный путь оказывается связан и с военной победой и с завоеванием.

Еще один момент обращает на себя внимание. У Вергилия наступление мира и «золотого века» связаны с возвращением на землю покинувшей её когда-то Девы: «Дева грядет к нам опять, грядет Сатурново царство. / Снова с высоких небес посылается новое царство» (*iam redit et Virgo, redeunt Saturnia regna, iam nova progenies caelo demittitur alto* – *Buc. IV, 6*). По достаточно единодушному мнению исследователей, это Астрайя/Дикэ – деталь, которую Вергилий позаимствовал у эллинистического поэта Арата из Сол: у того в «Явлениях» она покидает землю, и совершается переход от серебряного к бронзовому веку¹⁷.

О богине Справедливости Вергилий вспоминает и в «Георгиках», над которыми он работал 7 лет – примерно с 36 по 30 гг. до н.э. В нескольких местах по-

¹⁴ Как известно, кандидатами назывались сын Поллиона, ожидаемый ребенок Октавиана (от Скрибонии) и предполагаемый младенец Антония и Октавии; предлагались и толкования, связанные с бытовавшими (прежде всего, на Ближнем Востоке и Иудее) пророческими, апокалиптическими, мессианскими и проч. традициями. Обзор мнений и некоторые ссылки – см., например: *Чернышов Ю.Г.* Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в Древнем Риме. Ч. 1. С. 87-89, 92-95; *Ryberg I.S.* Vergil's Golden Age. P. 115-116; *Perkell C.* The Golden Age and Its Contradictions in the Poetry of Vergil. P. 13.

¹⁵ *Page T.E.* Notes // P. Vergili Maronis Bucolica et Georgica. L., 1898. P. 124. *Ю.Г. Чернышов* заметил, что пророчества о ближайших событиях часто следуют «законам жанра»: «нарочитая неясность и двусмысленность предсказаний, в которых каждая из заинтересованных сторон может находить основания для надежд, однако в случае крушения этих надежд виноватым окажется не сам прорицатель, а тот, кто его «неправильно» понял» (Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в Древнем Риме. Ч. 1. С.90).

¹⁶ Также: *Verg. Georg.*, 1, 125-128.

¹⁷ *Page T.E.* Notes. P. 125; *Ryberg I.S.* Vergil's Golden Age. P. 114, 126; *Coleman R.* (ed.). Vergil: Eclogues. Cambridge, 1977. P. 131ff.

эмы он также обращается к теме «золотого века», войны и мира. И поскольку рассуждает в «Георгиках» автор о сельском труде, появляется типичная для литературы эпохи гражданских войн противопоставление *rus* и *militia*. Вергилий рисует впечатляющую картину сельских радостей: «земля доставляет (им) нетрудную пищу»; нет назойливых посетителей («не хлынет к ним в покои волна желателей доброго утра»); их не мучает суета погони за роскошью и богатством – их «жизнь простая и надежна»; «у них и досуг и приволье»; их окружают красоты природы, с которой они находятся в полной гармонии («гrotы, озер полнота и прохлада Темпейской долины») (перевод здесь и далее С.В. Шервинского). Автор особо подчеркивает, что сельские труженики счастливы, хотя не осознают этого (о *fortunatos nimium, sua si bona norint, agricolas*), ибо живут простой жизнью «вдалеке от военных усобиц» *procul discordibus armis* (Georg., II, 458-474). Из-за того, что сельская жизнь моральна («трудолюбивая там молодежь, довольная малым; / Вера в богов и к отцам уважение...»), то «меж них Справедливость, / Прочь с земли уходя, оставила след свой последний» (*extrema per illos iustitia excedens tertis vestigia fecit* – *ibid.*, 472-474).

Но, как мы уже знаем, Дикэ покинула людей не навсегда. В «Энеиде» Юпитер успокаивает тревожившуюся об Энее и троянцах Венеру картиной великой и вечной славы их потомков – римлян, заканчивая её не военными свершениями и завоеваниями Цезаря (о которых Юпитер говорит ранее), а закрытием дверей храма Януса – прекращением войны (Verg. Aen., I, 293-294). Тогда же будет установлен новый – божественный (раз люди не справились с этой задачей) – порядок: «Век жестокий тогда, позабыв о сраженьях, смягчится, / С братом Ремом Квирин, седая Верность и Веста / Людям законы дадут (*iura dabunt*)» (*ibid.*, 291-293). Несколькими хлесткими эпитетами автор показывает, как отвратительна война: «войны проклятые двери» (*dirae Belli portae*), «нечестивая ярость» (*furog impius*) (*ibid.*, 293, 294). Причина, по которой люди истребляют друг друга, – всё та же: человеческая агрессивность и жадность. В VIII-й книге Эвандр повествует о прежнем «золотом веке», когда Италией правил Сатурн, но ему на смену пришел худший век, «и людское испортилось племя яростной жадной войны одержимо и страстью к наживе» (*et belli rabies et amor successit habendi*) (VIII, 324-327). Итак, мир ассоциируется с законами и справедливостью (*iura dabunt*), война выступает как их антагонист.

Таким образом, у Вергилия наиболее приближен к справедливой жизни *modus vivendi* простого сельского труженика; возвращение Дикэ на землю возможно только при условии мира; мир справедлив, война – нет; однако достигим этот мир становится только благодаря победе и завоеваниям Августа. Так, само понятие «мир» и «золотой век» становятся внутренне противоречивы, и в VI-й книге «Энеиды» вскоре после прославления Августа, вернувшего «золотой век», идут гордые строки, воспевающие, по словам одного современного британского исследователя «римскую империалистическую миссию»¹⁸: «Римлянин! Ты научись народами править державно – / В этом искусство твое! – налагать условия мира, / Милость покорным являть и смирять войною надменных» (*tu regere imperio populos, Romane, memento; / hae tibi erunt artes; pacisque imponere morem, / parcere subiectis, et debellare superbos* – VIII, 324-327).

¹⁸ Lyne R.O.A.M. Vergil and the Politics of War // *CIQu*. Vol. 33, No. 1. 1983. P. 191.

Подводя итоги, обратим внимание на ключевые моменты представленной в обзоре рефлексии римских поэтов в связи с гражданскими войнами и их аргументации в пользу мира. Война отвратительна сама по себе – жестокостью и истреблением, но самая ужасная – это война гражданская. Война самым непосредственным образом связана с человеческой алчностью, жадной стяжательством. Своеобразным бегством от войны выступает бегство в сельскую жизнь: прежнее единство воина и сельского труженика (*miles–rusticus*) слабеет, и появляется противопоставление деревенского досуга военной службе (*rura vs militia*). Другой альтернативой является ипостась любовника, впрочем, возможно и совмещение ролей селянина и воина Венеры. Можно говорить и об определенном переосмыслении концепции *bellum iustum*: Право и Справедливость теперь выступают как атрибуты именно мира в противоположность войне; надежда на мир связывается с надеждой возвращения закона и справедливости в гражданскую жизнь. У Горация и Вергилия этот новый мир/миропорядок – *Rex Romani* – связаны с личностью Октавиана Августа, с взятой им на себя ответственностью править справедливо римским и другими народами.

И этот новый, справедливый миропорядок, по обещанию Юпитера, не имеет ни временных, ни географических границ: «Я же могуществу их не кладу ни предела, ни срока, / Дам им вечную власть (*His ego nec metas regum nec tempora pono. Imperium sine fine dedi* – Verg. *Aen.*, I, 278-9).

Список использованной литературы

- Альбрехт М.* История римской литературы / Пер. А. И. Любжина. Т. 2. М., 2004.
Борухович В.Г. Квинт Гораций Флакк: поэзия и время. Саратов, 1993.
Чернышов Ю.Г. Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в Древнем Риме. Изд. 2-е, испр. и доп. Ч. 1. До установления принципата. Новосибирск, 1994.
Гаспаров М.Л. Гораций, или золото середины // О поэтах. М., 1997. С. 136-164.
Bolton J. D. P. Horace's Earliest Ode? // *CIQu.* Vol. 17. 1967. P. 451-454.
Bright D.F. Haec mihi fingebam: Tibullus in his World. Leiden, 1978.
Coleman R. (ed.). Vergil: Eclogues. Cambridge, 1977.
Fisher J. M. The Structure of Tibullus First Elegy // *Latomus.* T. 29. 1970. P. 765-773.
Gaisser J. H. *Amor, rura and militia* in Three Elegies of Tibullus: 1.1, 1.5 and 1.10 // *Latomus.* T. 42. 1983. P. 58-72.
Kenneth J. P. Roman Anti-Militarism // *Classical Journal.* Vol. 51. 1955. P. 21-25.
Lyne R.O.A.M. Vergil and the Politics of War // *CIQu.* Vol. 33. 1983. P. 188-203.
Page T.E. Notes // *P. Vergili Maronis Bucolica et Georgica.* L. 1st ed. 1898. P. 93-386.
Pavan M. s.v. "Aurea (Aetas, Gens; Aurea Saecula)" // *Enciclopedia Virgiliana.* Roma, 1985. Vol. I. P. 412-418.
Perkell C. The Golden Age and Its Contradictions in the Poetry of Vergil // *Vergilius.* Vol. 48. 2002. P. 3-39.
Ryberg I.S. Vergil's Golden Age // *TAPhA.* Vol. 89. 1958. P. 112-131.

References

- Al'brekht M.* *Istoria rimskoi literatury. [History of Roman literature].* Per. A.I.Liubzhina. [Trans. by A.I. Lyubzhin]. "Greco-latinskiiy kabinet Yu.A.Shichalina", ["Greco-Latin cabinet" of Yu.A. Shichalin], Moscow, 2004. T.2.
Bolton J. D. P. Horace's Earliest Ode? *CIQu.* Vol. 17, No. 2. 1967. P. 451-454.

Borukhovich V.G. *Kvint Goratsiy Flakk: poezia i vremia*. [Quintus Horatius Flaccus: poetry and time]. Saratov: Izd-vo SGU, 1993.

Bright D.F. *Haec mihi fingebam: Tibullus in his World*. Leiden: Brill, 1978. 275 P.

Chernyshov Yu.G. *Sotsial'no-utopicheskie idei i mifo "zolotom veke" v Drevnem Rime*. [Socio-utopian ideas, and the myth of the "golden age" in ancient Rome]. Izd.2-e. Ch.1. [2-nd ed. Part 1]. Do ustanovleniya printsipata. [Before the establishment of the Principate]. Novosibirsk: Izd-vo NGU, 1994.

Coleman R. (ed.). *Vergil: Eclogues*. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.

Fisher J. M. The Structure of Tibullus First Elegy. *Latomus*. T. 29. 1970. P. 765-773.

Gaisser J. H. Amor, rura and militia in Three Elegies of Tibullus: 1.1, 1.5 and 1.10. *Latomus*. T. 42. 1983. P. 58-72.

Gasparov M.L. Goratsiy, ili zoloto serediny. [Horace, or the gold of medium]. *O poetakh*. [About poets]. Moscow, 1997. P. 136-164.

Kenneth J. P. Roman Anti-Militarism. *Classical Journal*. Vol. 51, No 1. 1955. P. 21-25.

Lyne R.O.A.M. Vergil and the Politics of War. *ClQu*. Vol. 33, No. 1. 1983. P. 188-203.

Page T.E. Notes. P. *Vergili Maronis Bucolica et Georgica*. L.: Macmillan. 1-st ed. 1898. P. 93-386.

Pavan M. s.v. "Aurea (Aetas, Gens; Aurea Saecula)". *Enciclopedia Virgiliana*. Roma, 1985. Vol. I. P. 412-418.

Perkell C. The Golden Age and Its Contradictions in the Poetry of Vergil. *Vergilius*. Vol. 48. 2002. P. 3-39.

Ryberg I.S. Vergil's Golden Age. *TAPhA*. Vol. 89. 1958. P. 112-131.

